

Лесли Карон: в Голливуде я каждый раз расшибалась

Коммерсантъ - 2004 - 27 нояб. - с. 9

КИНОПОКАЗ балет

Сегодня в Школе драматического искусства на Сретенке Французский культурный центр и Французская синеотека проводят показ музыкальной комедии Винсента Минелли «Американец в Париже», вышедшей на экраны в 1951 году. Главные роли в ней сыграли знаменитый танцовщик и хореограф Джин Келли и француженка Лесли Карон — классическая балерина, для которой это была первая роль в кино. С ЛЕСЛИ КАРОН, специально приехавшей на московский показ фильма, встретились ТАТЬЯНА КУЗНЕЦОВА.

Лесли Карон, француженка по отцу и американка по матери, родилась в Париже в 1931 году. Пятнадцати лет поступила в труппу Ролана Пети «Балет Елисейских полей», где танцевала ведущие партии. В 1949 году по приглашению Джина Келли уехала в Голливуд на съемки «Американца в Париже». Ее кинокарьера сложилась удачно: она снялась в 70 фильмах, в том числе у Винсента Минелли, Рене Клера, Луи Маля, Франсуа Трюффо, Жана Ренуара; играла с Фредом Астером, Морисом Шевалье, Грегори Пеком и другими звездами. Три развода, двое детей. Сейчас живет в Париже, в Бургундии держит «Таверну» — «гостиницу с артистическим колоритом». Пишет книги про бытовые убийства.

— Вы учились в Парижской опере?

— Когда, я ненавидела Парижскую оперу. У нее была плохая репутация: масса интриг, много нехорошей ревности, дух мелочного соперничества. Я занималась в студии Вакера, начинала у Ольги Преображенской. На всех этажах шли занятия, отовсюду тренькало фортепиано. Потом я поступила в Консерваторию, но в результате обнаружила, что в ней атмосфера, как в Парижской опере. И я ушла оттуда, думала, моя жизнь проиграна. А мама мне сказала: «Доченька, следуй своей интуиции, поступай в студию мадам Рузанны, туда ходит Ролан Пети». А у него уже был свой «Балет Елисейских полей» — великолепная труппа. И вот после первого же раза, когда мы вместе позанимались в студии, Ролан пригласил меня к себе.

— Как вам жилось в его труппе?

— Там не было никакой иерархии. Ничего чиновничье-бюрократического, полный



ТАТЬЯНА КУЗНЕЦОВА

контраст с Парижской оперой, что мне очень нравилось. Все были большими друзьями, все танцевали и главные, и кордебалетные партии. Ролан все делал для того, чтобы раскрыть наши данные и лучшие стороны нашего таланта. Мы очень много ездили на гастроли — в Египет, Ливан, Грецию, на фестиваль в Эдинбург, по Европе. Я была счастлива в этой труппе.

— И бросили ее ради Голливуда?

— У меня сердце разрывалось, когда я уезжала. Джин Келли увидел меня в балете «Рандеву». Это история Эдипа, я танцевала Сфинкса и в конце нашего дуэта бросалась вниз с портика, публика ахала. После спектакля Келли и сделал мне предложение, от которого нельзя отказаться.

— По финансовым соображениям?

— Да нет, сначала я получала совсем немного, как секретарша. Но мама мне сказала: «Танцевать можно только до 40 лет, а сниматься — всю жизнь». А тут контракт со студией MGM на семь лет...

— Что было самое сложное на съемках фильма?

— Рутина. И отсутствие публики. Я привыкла к рампе, оркестру, грандиозному дыханию зала, и для меня было большим разочарованием играть перед камерой, двумя софитами и в полной тишине. Мне понадобилось много времени, чтобы привыкнуть танцевать перед каким-то металлическим предметом. И очень тяжело было работать на цементе. Я просила настелить доски, ведь на цементе невозможно прыгать, могут быть травмы. Но в Голливуде такое не принято, и я каждый раз расшибалась.

— Как жил Голливуд в 50-е годы?

— Очень патриархально и спокойно. На съемки я должна была приходиться в сопровождении мамы, поскольку была несовершеннолетней. Все двери были нараспашку, все много играли в теннис, плавали в бассейнах, спать ложились в девять часов, ведь иногда съемки начинались в пять. Вечеринки бывали раза два в год, тогда съезжались журналисты, все надевали свои платья, бриллианты. Все были очень дисциплинированными, на первом месте была работа. Мы очень много обращали внимания на то, как мы выглядим, это тоже была часть нашей работы.

— Джин Келли долго переучивал вас?

— У него были две ассистентки, очаровательные, они многому меня научили. Прежде всего согнули мои колени, которые у классической балерины всегда натянуты, как струна, и завернули внутрь выворотные ноги. Одну из ассистенток я просто копировала, она замечательно танцевала, очень сексуально. А на съемках эпизода, где я танцую со стулом, сидела дама-цензорша. Она сочла, что это слишком эротично, и велела переснять номер.

— В Голливуде была цензура?

— Да, там один актер, знаменитость, напившись, убил проститутку. Широкая публика была шокирована, сочла, что нравы в Голливуде слишком свободны, и потребовала, чтобы контролировали нашу продукцию с точки зрения морали. Когда я снялась в фильме «Джиджи», прошел целый год, пока цензура разрешила его показ, поскольку там речь шла о кокошке.

— Из ваших 70 фильмов какой самый любимый?

— Я обожала «Лири». Это история отверженной сиротки. Когда я переехала в Голливуд, я как раз так себя и чувствовала. В Париже было голодно, а здесь полно денег, шоколада, масла, хорошей одежды. Шикарные дома, бассейны, машины. У них было все. А у меня осталось сиротское восприятие мира. И этот фильм позволил мне выразить себя.

— В «Валентино» вы играли с Рудольфом Нуреевым. Снимать было трудно? Он был капризен?

— Нет. Он был капризен только тогда, когда с ним люди плохо обращались и заставляли его делать то, чего он не хотел. Он страдал от того, что режиссер Кен Рассел обращал внимание только на актрису. Кен был демократичен. Он говорил: вот камеры, а вы двигаетесь здесь, делайте что хотите. А это был дебют Рудольфа в кино, он очень нервничал и хотел указаний. Рудольф вообще был очень робким и чувствительным. Если он чувствовал какую-то угрозу, он переходил в наступление. Но в остальное время он был очаровательным. Мы с ним очень подружились, я его очень любила. Редко встретишь человека, настолько богатого эмоциями, настолько щедрого душевно, он очень интересно переживал жизнь. Красивая душа. И его голос был таким интимным. А когда мы были в Лондоне, его приглашали в разные посольства, на разные приемы, он всегда брал меня с собой, говорил: помоги мне разобраться, какую ложку взять, какой вилкой есть. Я пока не умею правильно себя вести. Будь рядом со мной.

— В фильме «Ленин. Поезд идет в Петроград» вы играли Надежду Крупскую.

— Это была история, как Ленин в заплombированном вагоне ехал из эмиграции в Петроград. Там были все персонажи, которые окружали Ленина. Я перечитала груды литературы, все письма, мемуары. Доминик Санда играла Инессу Арманд. А я играла Надежду как женщину, преданную и полностью подчиненную мужу. Очень скромную, такая серенькая мышка. У меня был такой огрызок карандаша, которым я записывала за Лениным тезисы в женевском кафе. У меня был серый паричок и очень много любви. Ведь она приняла эту ситуацию трезво и полюбила Инессу. И конечно, очень верила в идеи коммунизма.

— В вашей жизни было много романов. Они помогали или мешали вашей карьере?

— Я была хорошо подготовлена к работе, но не к жизни. И поэтому совершила очень много ошибок. Правда, у меня было две удачи, два прекрасных ребенка, у которых сейчас прекрасная жизнь, и я уже трижды бабушка.

— В вашей полувековой кинокарьере практически нет простоев. Чем вы объясняете свою востребованность?

— Я всегда соглашалась на любые роли.

Карон Leslee

27.11.04